

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной въ 1877—1878 г.г.

Глава XXXVIII ¹⁾.

Въ одинъ изъ ближайшихъ дней послѣ только-что рассказаннаго мы вернулись, наконецъ, домой въ наше благословенное небо въ убѣжище; но волна броженія и смятенія духа резиденціи Абдуль-Гамида докатилась и туда. Это было замѣтно даже въ мелочахъ: всегда преданный мнѣ Хассанъ-эфенди уже не являлся къ моему окну за традиціоннымъ пакетомъ для своихъ дѣтей, что волновало и огорчало меня несказанно!...

Наши друзья и пріятели изъ турецкихъ кварталовъ видимо избѣгали насъ и, такимъ образомъ, сношенія мои съ гаремами прекратились.

Какъ-то мимо нашего балкона проходилъ караулъ: одинъ изъ аскеровъ, указывая на государственный щитъ, висѣвшій надъ входомъ въ консульство, громко сказалъ по адресу двуглаваго орла: „О! о, какъ ладно усѣлась ты, московская птица! Придѣлай себѣ хоть еще двѣ глупыя башки, а далеко не улетишь!“...

— Мы сваримъ изъ нея плавъ для ихъ „страшнаго генерала“ — хохотали солдаты, бряцая кинжалами и удаляясь.

А вотъ и обратная сторона психологіи турецкаго воина. Мнѣ уже приходилось говорить, что въ Хіосѣ роль проводниковъ, носильщиковъ и всякихъ другихъ профессій на житейской аренѣ мѣстнаго обывателя исполняли нижніе чины крѣпостнаго гарнизона. Начальство разрѣшало имъ это весьма даже охотно, лишь бы они не слишкомъ настойчиво требовали свое жалованье изъ опустошенной казны государства, а питались бы за счетъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1915 г.

христіанскаго населенія—такова была мудрая политика руководителей судьбами Оттоманской имперіи, вступавшей на путь либеральной конституціи...

По желанію моей тетуски я собралась однажды въ Латинскій кварталъ, чтобы обмѣняться визитами съ домами европейскаго общества. Али привелъ изъ цитадели проводника, и мы отправились верхами къ той части города, гдѣ расположены были женскія общины католическаго міра. Спутникъ мой, уже извѣстный читателю Ибрагимъ, сопровождавшій меня обыкновенно и прежде въ моихъ экскурсіяхъ по лабиринтамъ кривыхъ грязныхъ улицъ Хіуса, такой всегда бывало разговорчивый, откровенный, теперь угрюмо, демонстративно молчалъ, какъ бы желая выразить этимъ свой личный протестъ и осужденіе нашей русской политикѣ въ Турціи. Когда же я, расплачиваясь съ нимъ, подарила ему сверхъ условленной цѣны еще нѣсколько монетъ, то озлобленный воинъ Магомета не выдержалъ тона: его суровыя черты лица дрогнули и въ глубокомъ, душевномъ порывѣ онъ бросился цѣловать края моей одежды. Такимъ образомъ отсюда можно видѣть, что политика и голодъ не всегда идутъ въ ногу, а турецкому солдату, не получавшему годами жалованья, все это очень хорошо и давно было извѣстно... Ваферъ-бей, какъ и обѣщалъ, увѣдомилъ меня, что Тафти собирался вернуться изъ командировки домой къ наступающему празднику Байрама. Это не застало меня врасплохъ, такъ какъ я ждала его со дня на день.

Какой-то психологъ сказалъ, что любовь побѣждаетъ все, даже инстинктъ расы и управляется только законами сердца...

— Однако—размышляла я, дѣлая отчаянныя усилія, чтобы рѣшить, наконецъ, страшную проблему моей жизни,—всѣ эти вопросы нисколько не тревожили меня, пока наша дипломатія занималась только славянами. Но гдѣ найду я для себя оправданіе, когда заговорятъ русскія пушки? Нѣтъ! нѣтъ, есть что-то и другое кромѣ аргумента любви...

Моя турецкая подруга Элиме, не взирая ни на какія внушенія и дипломатическія комбинаціи, тѣмъ не менѣе осталась вѣрна себѣ и вотъ почему она не смогла преодолѣть искушенія, чтобы не написать мнѣ слѣдующаго: „Ханумъ и я, а также Базя и Лазя шлемъ вамъ горячій селямъ ¹⁾ отъ нашихъ вѣрныхъ сердецъ, которыя всегда будутъ хранить драгоценныя алмазы вашей дружбы. Мы надѣемся также, что вы окажете

¹⁾ Селямъ значитъ „привѣтъ“.

намъ высокую честь, если посѣтите нашъ домъ завтра въ 5 часовъ дня...

Я читала эти строки, и записка дрожала въ моихъ рукахъ: словно какая-то громадная, мощная птица подхватила меня вдругъ на свое крыло и съ неудержимой быстротой урагана стала выносить за предѣлы волшебнаго круга, гдѣ томилась моя душа; мысли, обгоняя одна другую, летѣли впередъ и ушлывали, какъ это бываетъ только во снѣ; что-то яркое на одно лишь мгновеніе блеснуло мнѣ, а затѣмъ угасло подобно метеору, упавшему на землю...

— Я знаю, чего добивается это коварное созданіе и въ какую ловушку она хочетъ заманить меня,—громко стучало въ голову и въ сердце, сжимая его до боли...

Вошла моя тетушка:

— Женя,—спросила она,—ты написала отвѣтъ? Кавасъ ждетъ—отпусти его...

— Нѣтъ еще,—проговорила я, смущаясь, не зная, какъ формулировать мое возраженіе,—мнѣ очень не хотѣлось бы теперь, милая тетя, встрѣчаться даже съ Элиме и вообще ни съ кѣмъ изъ нихъ—такія все интриганки...

— Поссорились, вѣроятно, или еще какая-нибудь тамъ глупость между вами?—перебила она, слегка раздражаясь,—ну, это не важно, а затѣвать исторію было бы крайне не удобно: твой дядя здѣсь официальное лицо, и ему прежде всего надо ладить съ губернаторомъ—садись и пиши, что молъ рада будешь повидаться съ ней и пр....

Я исполнила ея волю; но отправилась туда уже съ опредѣленнымъ рѣшеніемъ держаться на уровнѣ моихъ теорій и принциповъ. Однако говорятъ, что благими намѣреніями вымощенъ только адъ, но не сердце человѣка: едва лишь переступила я черезъ порогъ фатальнаго дома, гдѣ живы еще были крылатыя грезы любви, какъ меня захватила минута глубокаго колебанія, и всѣ мои душевныя силы пошли въ разбродъ...

А тѣмъ временемъ хитрая Элиме шптала мнѣ:

— Удовольствіе сердца, розовый цвѣточекъ ¹⁾, помните, вы обѣщали найти „мою звѣзду“ въ какой-то ученой книгѣ; но я забыла ея названіе? Милый прелестный коралловый ротикъ ²⁾, мы ждали васъ, какъ даръ небесъ, а вы уѣхали въ Стамбуль! Ну, какая „она“—скажите?...

¹⁾ Метафора, ласкательныя прозвища у турчанокъ.

²⁾ Метафора.

Я вспомнила и залилась громкимъ смѣхомъ, что видимо озадачило мою собесѣдницу:

— А-а! — протянула она, вспыхивая до корней волосъ и блеснувъ на меня своими огненными зрачками,— все это было неправда?! Вы просто дурачили меня?! Но какъ же вамъ не грѣшно такъ ужасно морочить людей?!.. А теперь и мы съ ханумъ не скажемъ вамъ, что писалъ моему отцу Тафти-бей— вотъ и увидимъ тогда, кто будетъ смѣяться!...

Эти слова, какъ отравленные стрѣлы, попали мнѣ прямо въ сердце и такъ мѣтко, что въ концѣ концовъ отъ моихъ „теорій“ и принциповъ ровно ничего не осталось: значить, такова природа любви...

— Нѣтъ! нѣтъ, милая хорошая Элиме,—возражала я, не помня себя и глотая слезы:—никогда мнѣ на умъ не приходило морочить васъ, а наоборотъ, искала вашу звѣзду...

— И нашли ее?! Нашли?!—пронизывая меня своими хищными глазами, спрашивала она.

— Да, нашла!—отвѣтила я съ увѣренностью астролога, для котораго судьба человѣка въ книгѣ мірозданія была открытой страницей,—и вотъ она сказала мнѣ, что въ недалекомъ будущемъ вы уѣдете изъ Хіуса и выйдете замужъ за очень богатаго офицера султанской гвардіи...

— Говорите! говорите, что еще?—стонала Элиме, обвиваясь руками вокругъ меня,—когда это будетъ?...

— Ахъ, очень скоро: ну, мѣсяца черезъ два, три не болѣе, говорила я, какъ во снѣ; но съ глубокимъ вниманіемъ прислушиваясь къ тому голосу, который пѣлъ въ моей душѣ страстный гимнъ торжествующей любви...

— Гдѣ онъ сейчасъ? Какъ его зовутъ? Сколько у него будетъ женъ?—долетало ко мнѣ точно изъ хаоса какого-то другого бытія и звучало дикимъ аккордомъ надо мной...

Наконецъ, я овладѣла собой и наговорила ей экспромптомъ такъ много прекрасныхъ вещей, что голова у нея пошла кругомъ.

Съ бастіона крѣпости раздался выстрѣлъ пушки, возвѣщая, такимъ образомъ, наступавшій закатъ солнца. Моя собесѣдница вдругъ сразу оборвала нить разговора и, оглядываясь на дверь, словно ожидая кого-то, тихо, еле слышно проговорила:

— Вотъ и ханумъ: она идетъ сюда; но убѣдительно прошу ни слова ей о „моей звѣздѣ“—и на вопросъ мой: „почему?“ объяснила такъ:

Въ моментъ акшами ¹⁾ не полагается вообще говорить о важ-

¹⁾ Часъ заката.

ныхъ предметахъ, а иначе злые „джинны“¹⁾ могутъ все это проглотить...

Вошла красавица-губернаторша, сіяя улыбками привѣта и роскошью наряда. Наложницы Кіамиль-паши внесли подносы съ угощеніемъ. Удаливъ прислугу, Элиме перевела свою рѣчь на тему о войнѣ:

— Мы сейчасъ однѣ и будемъ откровенны, какъ родныя сестры,—обращаясь ко мнѣ, заговорила она въ тонѣ патронессы какой-то:—вашъ прекрасный бей увѣдомляетъ моего отца, что на будущей недѣлѣ онъ возвращается домой. Но дѣло еще въ томъ, что нашъ великій падишахъ собирается воевать съ московскимъ царемъ—слѣдовательно, и Тафти-бею волею Аллаха придется уѣхать опять въ армію...

— А вашъ дядя, господинъ консулъ и его супруга, не останутся здѣсь?—отозвалась робкая Ашима.

— Ну, конечно,—подтвердила я,—въ тотъ же день, какъ будетъ объявлена мобилизація, мы уѣдемъ отсюда, намъ уже давно все это очень хорошо извѣстно...

— Какъ?! и вы также?!—воскликнули обѣ турчанки и переглянулись между собой: видимо у нихъ что-то сорвалось, а зарядъ попалъ не туда...

Гортанный языкъ „счастливой Аравіи“ снова пошелъ въ ходъ, но мимика была такъ выразительна, что на догадку оставалось только перефразировать слѣдующее: „Нѣтъ! ты не ускользнешь изъ нашихъ рукъ, гяурка! Мы получимъ свой призъ отъ влюбленнаго дурака—кстати и денегъ у него много“....

Наконецъ, онѣ вспомнили о моемъ присутствіи:

— Милый, розовый цвѣточекъ,—нѣжно и ласково прозвучалъ голосокъ Элиме,—вотъ что говоритъ ханумъ, а также и я: если вы покинете насъ, то и лучъ свѣта угаснетъ навсегда для тѣхъ, кто любитъ васъ, а Тафти-бей, конечно, умретъ!...

Я слушала ее, не возражая, и мнѣ хотѣлось знать, куда она вела свою тонкую, извилистую политику?

— Нѣтъ! нѣтъ! мы этого не допустимъ: вы любите другъ друга, ваша судьба здѣсь, а не въ Россіи, гдѣ живутъ страшные казаки—они ѣдятъ живыхъ людей...

— И меня съѣдятъ, думаете вы?—расхохоталась я.

— Нѣтъ, не то!—смутилась она,—мы очень и очень боимся какъ-бы вы не попали тамъ на штыкъ башибузуку, если уѣдете отсюда...

¹⁾ Духи, сотворенные, какъ сказано въ коранѣ, изъ чистаго огня безъ дыма—бываютъ злые и добрые.

— Это какимъ образомъ?!—послѣдовалъ мой вопросъ, на который мнѣ отвѣтили такъ:

— Ахъ, все можетъ быть, и никто не знаетъ, гдѣ находятся предѣлы его жизни?... Вотъ Лазя и Базя говорятъ также, что наши аскеры и редифы дали клятву на знамени пророка устроить въ Московіи такой „Секимъ-башка“ во славу Имени Аллаха, какого еще не было отъ сотворенія міра!...

— Пусть лучше поберегутъ свои дурацкія башки, а до нашихъ, Богъ Милостивъ, не доберутся! — въ порывѣ глубокаго отвращенія вскрикнула я.

— Ну, нѣтъ, извините!—возразила она съ тѣмъ апломбомъ, который никогда не покидалъ ее,—Аллахъ любитъ мусульманъ больше, чѣмъ гяуровъ—въ коранѣ сказано, что племя оттомановъ будетъ царить надъ вселенной и на небѣ въ божественныхъ садахъ Эдема ¹⁾, гдѣ обитаютъ свѣтлыя гуріи и добрые джины—такъ говорилъ пророкъ, когда училъ людей, а каждое его слово законъ!...

Я молчала, не имѣя ни малѣйшаго желанія оспаривать доводовъ моей собесѣдницы: нервы дрожали, какъ струны, въ глазахъ мелькали навязчивые огоньки, а сердце било тревогу...

— Значить, вы разлюбили уже красавца Тафти и держите сторону его враговъ?—съ коварной усмѣшкой спросила она.

Нахальство турчанки прямо ошеломило меня: я не выдержала роли и залилась отчаянными, горькими слезами...

Арабскій языкъ опять смѣнилъ нашу греко-турецко-французскую рѣчь: явились Лазя и Базя, какъ члены семьи, съ авторитетнымъ мнѣніемъ которыхъ надо было считаться, и принялись обсуждать дальнѣйшій планъ дѣйствій. Пренія велись на гортанномъ сирійскомъ нарѣчьи. Знакомые уже читателю имена Дауль-эфенди, а также Аѳины, или какъ она себя передѣлала на французскій ладъ Атины, повторялись чаще всего. Рѣзкіе выкрики, энергичная жестикуляція и страстная мимика дополняли эту жанровую картинку на фонѣ гаремной обстановки.

Наконецъ резолюція была торжественно мнѣ объявлена:

— Мы рѣшили предложить вамъ наши услуги и, такимъ образомъ, устроить вашу судьбу,—такъ начала хитроумная Элиме, видимо наслаждаясь заранѣе эффектомъ своей рѣчи:—Но для того, чтобы васъ не увезли въ Московію, когда будетъ объявлена война, мы составили такую комбинацію и надѣемся, что Тафти будетъ намъ за это очень благодаренъ: накануне

¹⁾ Коранъ, глава IV.

Байрама вы получите отъ меня приглашеніе на ужинъ, а затѣмъ наша добрая, милая Атина Даула, всегда готовая служить намъ до послѣдняго дыханія жизни, отвезетъ васъ тайно на пароходъ и вы уѣдете съ ней сначала въ Бейрутъ, а оттуда въ Алеппо, куда она уже давно собиралась...

— Яй юни! Яй джани! ¹⁾—шептала мнѣ нѣжная красавица ханумъ, сокрушаясь о моей горькой долѣ,—Аллахъ Акбаръ ²⁾! Онъ пошлетъ вамъ лучъ своего благословенія за вашу любовь къ правовѣрному...

— Тамъ вы будете представлены обществу, какъ родственница Дауль-эфенди изъ Франціи,—дѣловито заговорила Элиме,— васъ не дадутъ въ обиду, научитесь говорить по-арабски, будете ѣсть плавъ, жареныхъ козлятъ, пить самый лучшій въ мірѣ кофе—чего же вамъ еще?!...

Я слушала ее и какъ автоматъ повторяла:

— О! какъ все это ужасно! Какой мракъ и когда суждено мнѣ выбраться изъ него?!...

— Въ Алеппо вы будете жить, словно гурія въ раю, отвѣчали мнѣ на это,—а когда вернется изъ арміи вашъ красавецъ-бей, мы обвиняемъ васъ безъ всякихъ замедленій—только и всего! Интересно, о какихъ ужасахъ вы говорили сейчасъ и чего вамъ надо еще будетъ?!...

Эта неотразимая логика, хотя и жестокая, не разсѣяла, правда, всего кошмара въ моей душѣ, но такъ или иначе, а я стала немного разбираться въ моихъ теоріяхъ, съ которыми пришла сюда...

Наступила ночь, свѣтлая, тихая, ароматная; луна, ныряя въ облакахъ, плавала надъ Архипелагомъ, освѣщая мнѣ путь въ темныхъ улицахъ греческаго квартала. Рядомъ со мной, вооруженный съ ногъ до головы, шелъ албанецъ, кавасъ губернатора и рассказывалъ мнѣ что-то о своей далекой родинѣ. Затѣмъ мы пришли къ набережной. На рейдѣ пылали и дымились факелы рыбаковъ; шумѣли волны, гонимыя легкимъ вѣтеркомъ; море пѣло свой вѣчный привѣтъ звѣздному небу и точно умоляло его не укрываться облаками, которыя уже тянулись по краямъ горизонта.

Вдругъ чей-то голосъ окликнулъ моего проводника:

— Эй, Маметъ, стой! Ты ведешь барышню? А почему не Ибрагимъ? Ну, да все равно—отойди въ сторону: мнѣ надо сказать госпожѣ нѣсколько словъ...

¹⁾ Ласкательныя арабскія прозвища: „мои глазки“, „моя душечка“.

²⁾ Богъ Великъ!

И говорившій это приблизился ко мнѣ: я узнала Вафиръ-бей!
— Mademoiselle,—раскланиваясь со мной, проговорилъ онъ тихо, но голосъ его обрывался на каждомъ словѣ, а рука, сжимавшая мою, была холодна, какъ ледъ,—нашъ Тафти пріѣхалъ съ австрійскимъ „Ллойдомъ“ не болѣе, какъ три часа тому назадъ...

— Пріѣхалъ!!—вскрикнула я и не узнала своего голоса...

— Да... пріѣхалъ,—точно эхо отозвался онъ и наклонился къ моему лицу:

— Умоляю васъ, постарайтесь овладѣть собой,—шептали его губы,—значить, такова воля Аллаха и его непреложнаго закона... Ну, а теперь я даже не знаю, какъ вамъ это передать?...

Прошло много, много лѣтъ съ того момента до нашихъ дней, а я и сейчасъ, когда закрываю глаза, вижу себя надъ пропастью, скованною ледянымъ холодомъ необъятнаго ужаса...

— Моя первая мысль была сообщить вамъ,—разсказывалъ тѣмъ временемъ мой собесѣдникъ,—я былъ въ консульствѣ, но Али сказалъ мнѣ, что вы не приходили еще домой, и вотъ, наконецъ, мнѣ удалось встрѣтить васъ...

— Говорите!—опомнилась я, и ноги мои стали тяжелѣй свинца.

— Ну, словомъ,—получила я въ отвѣтъ—нашъ бѣдный другъ тяжело раненъ и...

— Кѣмъ?—слетѣло точно не съ моихъ губъ, а будто неизвѣстно кто говорилъ за меня.

— „Кѣмъ“?!...—повторилъ мой вопросъ Вафиръ-бей,—вы сами знаете, кому надо было перешагнуть къ вамъ черезъ его трупъ...

— Умеръ?—мелькнуло только у меня въ головѣ, и я полетѣла въ какую-то бездну...

Вотъ и конецъ моего романа: яркая звѣзда пламенной любви блеснула мнѣ на одно лишь короткое мгновение и закатилась, не успѣвъ даже сказать послѣдняго „прости“...

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

